

Стратегия сельского развития северного региона ¹

Анализ методологических подходов к развитию сельских территорий с учетом северных природно-экономических условий является целью настоящей статьи. Авторы полагают, что отраслевой подход, основанный на аграрно-производственной политике, с социальной точки зрения малоэффективен. Более правильным является комплексный подход, в рамках которого сельское развитие рассматривается как процесс совершенствования жизнедеятельности людей, непосредственно связанных с использованием земельных и других биологических ресурсов, включенных в систему географического разделения труда и соответствующих общественных отношений. Комплексность в представленном исследовании, кроме анализа производственных показателей, включает оценку и рациональное использование потенциальных возможностей сельской местности с охватом домашних хозяйств — усадеб, инфраструктуры общинного предназначения, муниципального хозяйства в границах поселений и систем расселения сельских (и частично городских) жителей, придание природным ландшафтам определенных социальных и экономических функций. Пример Республики Коми показывает низкий уровень использования природно-ресурсного и трудового потенциала села, крайне малый объем инвестиций в инфраструктуру сельской местности, низкий уровень жизни сельского населения. Первые предпосылки к улучшению — развитие самого сельского хозяйства, достоверная оценка его стратегических тенденций с учетом объективной необходимости роста уровня самообеспеченности населения республики продукцией растениеводства и животноводства. Выявлены и другие предпосылки: диверсификация сельской экономики и ее ландшафтная адаптация, укрепление связей земледелия с лесопользованием и развитием обрабатывающей промышленности, формирование новых отношений в агропромышленном комплексе и по линии «город — деревня», сохранение северной этнокультуры и традиционных видов хозяйственной деятельности, введение экологических услуг в хозяйственную специализацию низовых муниципальных образований. К механизмам реализации данных направлений отнесены инновационная модернизация территориально-хозяйственных систем сельского типа, инструменты нормативно-правового, организационного и финансового обеспечения производства и сельской жизни с учетом ее северной специфики. Совокупность «направлений и механизмов» определена в качестве предмета стратегического планирования. Сравнение предметной сущности сельского развития с содержанием официально принятых стратегий и программ в области аграрной политики показало их значительное разногласие, особенно в социально-территориальной части. Это существенный пробел в организации планирования пространственного развития; его устранение необходимо для повышения качества и уровня жизни сельского населения.

Ключевые слова: сельское развитие, проблемы сельской экономики, тенденции и риски в условиях Севера, приоритеты и механизмы, стратегия развития, стратегическое планирование, сельские районы, Республика Коми

Для цитирования: Лаженцев В. Н., Иванов В. А. Стратегия сельского развития северного региона // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 3. С. 696-711. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-2>

¹ © Лаженцев В. Н., Иванов В. А. Текст. 2020.

Vitaliy N. Lazhentsev ^{a)}, Valentin A. Ivanov ^{b)}^{a, b)} Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russian Federation^{a)} e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru

Rural Development Strategy of the Northern Region

The paper aims to analyse methodological approaches to the development of rural areas, considering the environmental and economic conditions of the North. We claim that, from a social perspective, the sectoral approach based on the agricultural production policy is ineffective. It is advisable to apply an integrated approach. It considers rural development as a process of improving the life of the population who is directly related to the use of land and other biological resources included in the system of the geographical division of labour and related social relations. This study not only analyses production indicators but also assesses the potential and efficient use of rural areas and households. They include homesteads, public infrastructure, municipal infrastructure in rural (and partially urban) settlements and settlement systems, and natural landscapes with certain social and economic functions. The example of the Komi Republic demonstrates underutilisation of the rural natural resources and labour potential, an extremely small investment in rural infrastructure, and low living standards of the rural population. To improve the situation in the Republic, it is necessary to develop agriculture and assess its strategic trends, considering the objective need to increase the self-sufficiency of the population with crop and livestock products. Other directions for development are the diversification of the rural economy and its landscape adaptation; the strengthening of the relations between agriculture, forestry and developing manufacturing industry; the establishment of new relations in the agricultural sector following the «city — village» line. Moreover, it is essential to preserve the Northern ethnic culture and traditional economic activities and introduce environmental services into the economic specialisation of municipalities. The mechanisms for implementing these directions include innovative modernisation of rural spatial and economic systems, as well as tools for regulatory, organisational, and financial support of rural production and life that considers its Northern specifics. We identified a set of directions and mechanisms of strategic planning. Comparison of rural development with the officially adopted agricultural strategies and programmes revealed that they differ significantly, especially in social and territorial aspects. It is necessary to eliminate this significant gap in the spatial development planning for improving the living standard of the rural population.

Keywords: rural development, problems of the rural economy, trends and risks in the North, priorities and mechanisms, development strategy, strategic planning, rural areas, Komi Republic

For citation: Lazhentsev, V. N. & Ivanov, V. A. (2020). Rural Development Strategy of the Northern Region. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 16(3), 696-711, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-2>

Введение

На Крайнем Севере России и приравненных к нему местностях в 2018 г. проживало 9883 тыс. сел., в том числе сельского населения — 2061 тыс. чел. (21 %), на территориях преимущественно сельского типа — 2767 тыс. чел. (28 %). Почти все население, отнесенное к малочисленным народам Севера (примерно 230 тыс. чел., или 2,3 % от общей численности), является сельским. Специфические начала жизнедеятельности малочисленных народов — предмет основательного комплексного изучения этнографов, социологов, экономистов и других научных работников, а также существенная составляющая национальной политики. Но остальные сельские северяне, также укорененные на северных территориях, как бы остаются вне поля зрения науки и практики пространственного развития. Между тем, именно организация их жизни и хозяйственной деятельности может сыграть первостепенную роль в решении проблем устойчивого функционирования северных, в том числе арктических, территорий. Для этого есть несколько существенных оснований:

— таежная, тундровая и североморская природные зоны имеют хорошие перспективы на вхождение в мировую и национальную проблематику развития сельского хозяйства, продовольственного обеспечения и экологии;

— биоресурсная экономика в системе регионального общественного воспроизводства более надежна и стабильна, чем минерально-сырьевая;

— сельское и лесное хозяйство, промыслы и оленеводство являются экономической основой формирования и сохранения естественно-исторических очагов северной и арктической этнокультуры.

С этих позиций можно оценить отток населения из регионов Севера России. Если сокращение общей численности северного населения за период 1990–2018 гг. на 20 % считается неизбежностью с положительными и отрицательными последствиями, то сокращение населения на сельских территориях в более значительных размерах (–38 %) авторы рассматривают в основном как негативное явление.

Обращение к тематике сельского развития как раз и обусловлено поиском курса на повышение уровня жизни северян и формирование ее нового качества. Пример Республики Коми в этом плане интересен тем, что сельская жизнь в таежной части ее территории имеет черты, свойственные многим основательно обжитым регионам Северо-Запада, Урала, Сибири и Дальнего Востока, а в крайнесеверной части (лесотундра и тундра) — западному сектору Арктической зоны РФ. В республике, как и в указанных регионах РФ природно-ресурсной специализации, село переживает затяжной кризис, проявлениями которого являются ухудшение демографической ситуации, бедность, безработица, сокращение объектов социальной инфраструктуры. Уровень жизни сельского населения за годы рыночных реформ здесь существенно снизился, а ее условия остаются непривлекательными. Возросло отставание сельской местности от города в качестве жизни. Сельское развитие сдерживается слабостью местного самоуправления и недостаточной финансовой обеспеченностью низовых муниципальных образований, низкой престижностью жизни на селе.

Гипотеза нашего исследования заключается в возрождении сельской жизни как социального процесса, управление которым не может быть осуществлено лишь в рамках федерального и региональных министерств сельского хозяйства. Выделение развития сельских территорий в отдельный блок комплексного программного планирования и соответствующего проектирования систем расселения населения в условиях Севера, по мнению авторов, характеризует новизну представленной статьи.

Сельское развитие в европейской политике

Понятие «сельское развитие» появилось в научной литературе сравнительно недавно. Наиболее полный обзор моделей и концепций сельского развития применительно к Западной Европе выполнил Ф. Мантино [1]. Его обзор выявил, что в передовых странах политика сельского развития базируется на трех моделях — отраслевой (развитие собственно сельского хозяйства), территориальной (формирование взаимосвязей внутри локальной экономики) и перераспределительной (помощь сельскому развитию как способ сокращения разрыва между районами и отраслями экономики).

Эволюция политики развития сельских районов связана с координацией всех видов хозяйственной деятельности с учетом специ-

фики их пространственной организации, но с соблюдением общественных интересов по поводу рационального природопользования и сохранения окружающей среды. В национальных и региональных программах европейских стран сельское хозяйство и другие природно-ресурсные отрасли, кроме их товарной функции, рассматриваются в качестве инструмента устойчивого развития сельских территорий. Последние сами по себе считаются общественным достоянием. Поэтому конкурентоспособность сельского и лесного хозяйства обеспечивается, как правило, государственной поддержкой в части реструктуризации и использования инноваций, улучшения состояния окружающей среды, роста качества жизни и диверсификации сельской экономики.

В итоге европейские страны, по оценке Ф. Мантино и других авторов¹, имеют относительно устойчивое развитие сельской местности, поскольку поддерживается политическими решениями и программным управлением. В бюджетах 28 стран Европейского союза в 2014–2020 гг. показана общая сумма финансовой поддержки сельского хозяйства и сельских территорий в объеме 408,4 млрд евро, из них сельскому хозяйству — 313,1 млрд евро, на развитие сельских территорий — 95,3 млрд евро (23,3 %)². В системе мер поддержки сельских территорий особое внимание уделяется образованию, транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктуре, социальным услугам и сохранению красоты сельских ландшафтов.

Европейский опыт для России полезен социальной и экологической ориентацией на сельскую местность и созданием институциональной среды функционирования сельских поселений, входящих в единую систему расселения населения. Для регионов Европейского Севера России весьма ценен опыт управле-

¹ Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. European commission. Brussels, 2010. URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 20.12.2019); Rural development opportunities for supporting employment and associated social inclusion Employment and Social Inclusion. EU Rural Review. The Magazine from the European Network for Rural Development. 2010. No. 6. P. 6–13; Rural White Paper Action Plan. URL: <http://www.dardni.gov.uk/rural-white-paper-action-plan.pdf> (дата обращения: 20.12.2019); Rural White Paper Action Plan and Progress Report. URL: <http://www.dardni.gov.uk/rural-white-paper-action-plan-annual-progress-report-2013.pdf> (дата обращения: 20.12.2019).

² Fact Sheets on the European Union — 2019. Available at. URL: <http://www.europarl.europa.eu/factsheets/en> (дата обращения: 20.12.2019).

ния устойчивым развитием сельских территорий Финляндии. Приоритеты финской сельской политики сводятся к следующему: профессиональная подготовка и переподготовка кадров для сел, максимальная диверсификация аграрной экономики, принятие специальных решений для малонаселенных периферийных районов, безусловное сохранение культуры и традиционного хозяйства саамов, ориентация на принципы зеленой экономики. Сельская политика Финляндии предполагает организацию взаимосвязи всех заинтересованных сторон с выходом на согласованные решения общественно значимых проблем. Основополагающими механизмами достижения этой стратегической цели являются коллективизм и социальное взаимодействие [2].

Политика сельского развития в России и на ее северных территориях

На протяжении длительного периода в Советском Союзе, а затем и Российской Федерации основное внимание уделялось формированию продовольственных фондов текущего потребления и стратегических запасов определенных видов продуктов питания. Условия продовольственной безопасности предопределяли формы и методы организации сельского хозяйства с учетом природных условий различных регионов, их сельскохозяйственной специализации, наличия дорог и величины транспортных тарифов. «Территориальный разрез» хлебного баланса оказывал существенное влияние на общее экономическое районирование страны. При этом практически не рассматривался вопрос об эквивалентности товарообмена между городом и деревней, а дотации в аграрный сектор экономики считались «помощью бедным», деградация сельской жизни была «государственным секретом». Но еще более социально-экономическая несправедливость по отношению к сельскому населению проявилась в ходе революционных рыночных реформ и государственного регулирования АПК исключительно на основе частной собственности на землю и «свободного» рынка продовольствия. Дотации в адрес сельских товаропроизводителей в соответствии с объемами производства мяса и молока были оформлены с большим опозданием, лишь вслед за тем, когда наспех созданные фермерские хозяйства и другие сельскохозяйственные предприятия стали объявлять себя банкротами.

Последующая работа федерального и региональных правительств в области поддержки

производства сельскохозяйственной продукции существенно снизила зависимость России от зарубежных рынков продовольствия. Однако само сельское развитие не получило сколь-нибудь позитивного сдвига. Особенно это заметно в северных регионах, где нет условий для массового производства зерновых культур, а создаваемые по государственным программам животноводческие комплексы, птицефабрики, парники по выращиванию овощей стали частью городов и пригородов. Площади сельскохозяйственных угодий сократились многократно.

Арктическое традиционное хозяйство до сих пор не приспособилось к условиям рыночной экономики в силу почти полного отсутствия его кооперации по поводу переработки продуктов оленеводства и рыболовства, обустройства факторий; под угрозой оказалось сохранение этнических особенностей ведения оленеводства, рыболовства и охоты; пока не оправдались надежды на включение определенной части трудоспособного населения из числа малочисленных народов в индустриальный морской промысел и сферу туризма. Эта сторона традиционного хозяйства почти не соприкасается с общим направлением государственной арктической политики, которая сосредоточена главным образом на делимитации границ и установлении территориально-административного состава Арктической зоны РФ, на крупных инвестиционных программах добычи полезных ископаемых, обеспечении военной безопасности. Вместе с тем, особое внимание следовало бы обратить на регламент экономической и социальной деятельности (в том числе традиционного хозяйства) в условиях экстремального климата. Ключевыми в данной регламентации должны стать вопросы сохранения укорененных здесь территориальных общностей людей (социумов) и устойчивого состояния природно-хозяйственных систем.

Преодоление указанных недостатков во многом связано с порайонной организацией сельского хозяйства и продовольственных рынков, когда открывается возможность разные севера рассматривать в системе крупных и областных экономических районов [3]. Однако нельзя забывать, что односторонняя производственно-отраслевая сельская политика в социальном плане недостаточна для улучшения жизни селян и поддержания экологического порядка. Именно по этой причине (с учетом западного опыта регулирования сельского развития) в нашей стране сде-

ланы практические шаги по формированию другого вида политики — политики развития сельских территорий.

Прежде всего, было выполнено ее научное обоснование с определением ключевых понятий: сельская местность, сельские территории, устойчивое развитие. Правильное толкование терминов и понятий для науки всегда имеет большое значение, тем более в данном случае, когда политика нацелена на выделение сельских территорий в качестве особого объекта государственного и муниципального управления. Из многочисленных отечественных трудов по сельской тематике авторы еще раз хотели бы обратить внимание на исследования, проведенные в 1970-х гг. под руководством академика Т.И. Заславской. В них на основе традиций российской социологии и социально-экономической географии упор сделан на общественно-территориальную структуру сельской жизнедеятельности и комплексное социально-экономическое развитие поселений сельского типа. Подчеркивалось, что сельская местность «охватывает все множество небольших аграрных и аграрно-промышленных поселений, независимо от уровня их развития и структуры производственной сферы. Границы сельской местности фиксированы административным делением страны, носят достаточно четкий характер и являются более устойчивыми, чем границы деревни» [4, с. 15]. Некоторые экономисты-аграрники также стали рассматривать сельское развитие как понятие территориальное с охватом природно-хозяйственных систем локальной и региональной размерности [5–8].

Отмеченные и другие научные разработки прошлых лет легли в основу Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136 р. Ее цель — использование природно-ресурсного, демографического, культурного, экологического потенциалов сельской местности в той мере, которая была бы достаточной для повышения уровня и качества жизни сельского населения, а также жителей поселков городского типа, образ жизни которых весьма похож на сельский. Итоги исполнения данной программы еще предстоит подвести, но и сейчас ясно, что ключевая проблема — неудовлетворительное состояние сельских социумов (сокращение числа жителей, разбалансированная половозрастная структура, плохое здоровье, утрата приверженности к родным местам, безработица и бед-

ность, отрицательная динамика сельских ландшафтов) — остается нерешенной и обостряющейся. Эта проблема и в рамках неисполненной Концепции рассматривалась комплексно, то есть в увязке со многими функциями сел, деревень и поселков — экологической, рекреационной, этнокультурной, духовной. Более того, эти концептуальные установки в 2013 г. были переведены в Федеральную целевую программу «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», а в 2015 г. трансформированы в Стратегию устойчивого развития сельских территорий на период до 2030 года с последующей разработкой Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020–2025 гг. (2019 г.). Неисполнение задуманного в прошлые годы ставит под сомнение достижение целей сельского развития, сформулированных в настоящее время, на длительную перспективу.

Надежды на положительную социально-экономическую динамику в определенной мере связаны с рекомендациями науки (что и как надо делать на различных этапах прогнозирования). Такие рекомендации частично учтены в документах, обозначенных в Федеральном законе № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (2014 г.), например, в формулировках целеполагания и целереализации, а также в признании равенства производственного и территориального (пространственного) аспектов социально-экономического развития страны и ее регионов.

Новые элементы стратегического планирования

Новизна заключается в том, что разработка стратегий социально-экономического развития во все большей мере стала базироваться на научных основах прогнозистики, то есть на методах интеграции различных знаний и их проецировании на плоскость организационно-управленческой деятельности, на формировании образа будущего конкретных общественных систем. Общая технология прогнозирования выстраивается как последовательность аналитических и прогнозных операций ради выявления проблем, способов и средств их решений. Особое внимание уделяется методам анализа вызовов и угроз внешней среды, внутренней трансформации социально-экономических систем, механизмам нововведений [9–17].

Прогностика применительно к сельскому развитию охватывает как само сельское хо-

зяйство, так и сельскую местность. Ее результаты оформляются в виде одного документа — Стратегии. Но Стратегия должна быть конкретизирована в программах. По мнению авторов, для целенаправленного решения проблем сельского развития следовало бы оформлять две программы: первую — по сельскохозяйственному производству с учетом его территориальных особенностей вторую — по сельским территориям с учетом их хозяйственной специализации и географического положения.

Такой дуализм соответствует теории проблемно-программного управления, европейскому опыту сельского развития, при котором бюджетное финансирование сельских районов, как отмечено выше, идет по двум линиям — отраслевой и территориальной, а также пониманию особой роли сельской местности в формировании территориальных общностей людей и их гармоничных отношений. В отраслевых программах речь идет о производстве, хранении и сбыте продовольствия, в территориальных — о функциональном зонировании территории, воспроизводстве ее человеческого и природно-ресурсного потенциалов, биологической и социальной экологии. Каждый вид программ имеет свою систему мероприятий.

Важно отметить еще одно нововведение: сами документы стратегического планирования (их содержание, структура, взаимная увязка отдельных позиций и показателей) стали предметом научного анализа. В контексте тематики нашей статьи обратим внимание на негативные моменты, выявленные в результате такого анализа:

- идеи и политические установки относительно сельского развития фактически проигнорированы в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г., № 207-р);

- отсутствует локализация (привязка к месту) общих стратегических решений, наличие которой обязывало бы муниципальные образования окружного и районного уровня самостоятельно разрабатывать стратегические планы и программы сельского развития;

- отсутствует системность разработки и применения механизмов реализации указанных государственных документов, объемы финансовых средств для реализации намеченных целей крайне недостаточны, дело экспертного и общественного мониторинга стратегий и программ слабо организовано [18, 19].

Наше суждение о двух видах программ сельского развития (производственно-отраслевых

и социально-территориальных) обусловлено также анализом конкретного документа — государственной программы Республики Коми «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, развитие рыбохозяйственного комплекса» (2019 г.). В ней шесть подпрограмм: развитие отраслей сельской экономики, поддержка малых форм хозяйствования и сельскохозяйственной кооперации, развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения, обеспечение ветеринарного благополучия, комплексное развитие сельских территорий, обеспечение реализации программы.

Комплексное развитие сельских территорий — направление, значение которого для общества в последние годы заметно повышается — как бы затерялось среди других подпрограмм и мероприятий. В обобщенном разделе программы оно имеет лишь один контрольный индикатор — доля граждан, проживающих на сельских территориях, на которых созданы комфортные условия жизнедеятельности, в общем количестве граждан, проживающих на сельских территориях (к 2025 г. до 35 %). В самой подпрограмме обозначены следующие направления: ввод (приобретение) жилых помещений (жилых домов) для граждан, проживающих на сельских территориях, количество реализованных на сельских территориях проектов по благоустройству, ввод в действие распределительных газовых сетей, ввод в действие локальных водопроводов, количество населенных пунктов, расположенных на сельских территориях, в которых реализованы проекты комплексного обустройства площадок под компактную жилищную застройку.

Конечно, перечисленное необходимо и имеет весьма важное значение, но крайне недостаточно по составу мероприятий и затратам. Финансирование всей шестилетней программы намечается в объеме 5,2 млрд руб., а на «сельские территории» лишь 0,9 млрд руб. (17,3 %). Таких денег не хватило бы на утилизацию бытовых твердых отходов, вывозимых на сельские территории. Между тем, развитие сельских территорий связано с реструктуризацией сельского расселения, что предполагает укрепление опорных поселений и передислокацию жителей неперспективных деревень, изменение конфигурации землепользования, новую пространственную организацию инфраструктуры и социальных услуг [20, 21]. Решение этих задач должно опираться на собственную программу.

Сельские проблемы Республики Коми

Основные направления и этапы осуществления стратегии развития сельских территорий Республики Коми в обобщенном виде представим так:

1) спонтанное заселение северных территорий на основе общинной организации сельской жизни в сочетании с семейным (единоличным) хозяйством и локальными рынками товаров;

2) плановая коллективизация на основе обобществления сельскохозяйственных земель и других производственных фондов с заменой локальных товарных рынков на государственные закупки (продразверстку) и сохранением приусадебного хозяйства как основного источника пропитания;

3) разработка и реализация политических программ по созданию совхозов как крупных территориально-хозяйственных объединений с переводом колхозников в разряд наемных работников с выплатой заработной платы и «урезанием» личного подсобного хозяйства;

4) искусственное внедрение «свободного рынка», отмена каких-либо регуляторов и отказ от системности ведения сельского хозяйства и социального обустройства сельской местности;

5) разработка и частичная реализация программ восстановления пригородного животноводства, кормопроизводства и овощеводства закрытого грунта посредством создания агрохолдингов и фермерских хозяйств.

В перечисленном можно обнаружить некоторые элементы рациональности, которые желательны иметь в виду в современном стратегическом планировании северных сельских территорий: относительная устойчивость кустовой системы расселения сельского населения, выгоды от сочетания сельского и лесного хозяйств, синхронная механизация различных производств, высокая роль бытового права коллективной жизнедеятельности и рационального природопользования, существенная роль сельской местности в системе «город — село». Но в целом в истории развития сельских территорий Республики Коми преобладал иррационализм, вплоть до возникновения угроз перехода таежной периферии на «подножный корм» и натуральное домашнее хозяйство.

Современное состояние производственно-отраслевого сектора сельского развития зафиксируем данными Комистата за 2018 г. В Республике Коми 594 хозяйствующих субъекта заняты сельским и лесным хозяйством, охотой, рыболовством и рыбоводством. Доля

сельскохозяйственных организаций в общем объеме валовой сельскохозяйственной продукции составляет 69 %, в численности крупного рогатого скота 58 %, свиней — 94 %, оленей — 70 %. Ими производится 69 % молока, 96 % яиц, 92 % скота и птицы на убой, 16 % овощей, 7 % картофеля. Из наиболее крупных сельскохозяйственных организаций отметим тепличный комплекс «Пригородный» (г. Сыктывкар), птицефабрики «Зеленецкая» (Сыктывдинский район) и «Интинская», племенные хозяйства молочного скотоводства «Ухта-97», «Извайльский-97» (г. Ухта), «Южное» (Прилузский район).

Базы оленеводческих хозяйств расположены около городов Воркуты, Инты и Усинска. В республике насчитывается 269 крестьянских (фермерских) хозяйств. Их доля в валовом сельскохозяйственном производстве составляет лишь 5 %. Личным подсобным хозяйством занимаются 210 тыс. семей. Обратим внимание на то, что они производят 26 % валовой сельскохозяйственной продукции, 87 % картофеля, 87 % овощей. Высокая доля «личного хозяйства» неслучайна, поскольку крупные совхозы, которые основательно занимались полеводством открытого грунта, были раздроблены, преобразованы, а по сути — ликвидированы.

Упадок сельского хозяйства (табл. 1, 2) нельзя объяснить только объективными экономическими причинами, например, выгодой замещения местного продовольствия завозом его из других регионов страны и из-за границы, но можно увязать с общей кризисной ситуацией, возникшей в результате революционного реформирования политико-экономической системы нашей страны. Со сменой в 2000 г. политического руководства и объявлением курса на эволюционное развитие появилась надежда на восстановление положительной динамики сельского развития. Но этого не случилось.

Всероссийские сельскохозяйственные переписи 2006 и 2016 гг. показали, что в республике за данное десятилетие в хозяйствах всех категорий произошло дальнейшее сокращение общей земельной площади на 32 %, в том числе сельхозугодий — в 2,2 раза. В подсобных хозяйствах населения площади сельхозугодий уменьшились в 1,9 раза. За 10 лет между переписями число сельскохозяйственных организаций сократилось в 2,8 раза, индивидуальных предпринимателей — в 7,8 раза. Численность занятых в сельском хозяйстве уменьшилась в 1,6 раза.

Таблица 1
Сельскохозяйственные угодья земледельцев, занимающихся аграрным производством в 1990–2018 гг.
Table 1

Cultivated land of farmers engaged in agricultural production, 1990–2018

Вид угодий	Объемы сельхозугодий по годам, тыс. га						
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018
Сельхоз.-х. угодья	338,5	286,5	256,6	184,7	111,9	85,2	77,4
Пашня	94,1	88,5	80,7	58,6	39,2	38,4	35,7
Сенокосы	180,2	149,9	133,0	97,2	54,2	36,6	33,1
Пастбища	64,2	48,1	42,9	28,9	18,5	10,2	8,6

Источник: издания Комистата «Статистический ежегодник Республики Коми» и «Сельское хозяйство в Республике Коми» за соответствующие годы.

Таблица 2
Производство продукции растениеводства и животноводства во всех категориях хозяйств Республики Коми в 1990–2018 гг.

Crop and livestock production in all categories of farms in the Komi Republic, 1990–2018

Table 2

Продукция	Объемы производства продукции по годам, тыс. т						
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018
Картофель	127,5	235,9	218,9	116,9	88,7	77,9	54,4
Овощи	20,8	32,3	34,2	24,5	20,8	21,4	20,1
Мясо (убойный вес)	38,1	22,3	14,5	15,0	17,9	22,2	24,6
в том числе							
говядина и телятина	13,9	10,8	6,6	4,3	3,1	2,4	2,0
свинина	12,4	6,6	2,5	1,7	2,4	4,1	6,9
мясо птицы	9,2	2,9	3,9	8,1	11,6	14,7	14,9
оленина*	1,5	1,2	1,0	0,51)	0,5	0,7	0,5
молоко	207,0	142,4	105,9	78,6	61,6	56,5	54,8
яйцо, млн шт.	365,4	194,5	172,8	176,2	167,8	120,0	125,7

* Снижение производства оленины связано с регистрацией в 2002 г. СПК «Ижемский оленевод и К» в Ненецком автономном округе.

Источник: издания Комистата «Статистический ежегодник Республики Коми» и «Сельское хозяйство в Республике Коми» за соответствующие годы.

В сельскохозяйственных организациях поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на треть. Особенно значительное сокращение животных наблюдалось в хозяйствах населения: крупного рогатого скота — в 2,6 раза, свиней — 4,3 раза, овец и коз — в 2,3 раза, лошадей — в 1,8 раза. Из-за отсутствия механизаторов и соответствующей техники в малых сельскохозяйственных организациях не использовалось 14 % сельхозугодий, в крестьянско-фермерских хозяйствах — 9 %, в личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах граждан — 37 %. Отсутствие консультирования в сельских районах сдерживает доступ малых форм хозяйствования и сельских жителей, особенно отдаленных мест. Его организация могла бы существенно увеличить охват малых и средних организаций и сельского населения информационно-консультационным обслуживанием, распространять инновации, повысить уровень координации и интеграции сельского хозяйства с наукой и образованием [22].

Малые формы хозяйствования, преобладающие в сельской экономике, испытывают трудности доступа к рынкам реализации продукции и источникам финансовых ресурсов. Согласно сельскохозяйственной переписи 2016 г., немногим более половины фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей получают бюджетную поддержку. Лишь 19 % малых аграрных предприятий и 9 % крестьянско-фермерских хозяйств доступны кредиты. Не предпринимаются попытки хотя бы частично устранить диспаритет цен на сельхозпродукцию и промышленную продукцию.

С малыми формами ведения сельского хозяйства связано решение задач укрепления продовольственной безопасности и снятия угроз здоровью людей со стороны поставщиков недоброкачественных (химически вредных) продуктов. Производство экологически чистой продукции является крайней необходимостью и может быть организовано именно

Таблица 3

Показатели социально-территориального сектора сельского развития Республики Коми в 1990–2018 гг.

Table 3

Socio-territorial indicators of the rural development of the Komi Republic, 1990–2018

Показатель	Значение показателя по годам, тыс. чел.						
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018
Численность населения	1249	1157	1058	996	901	864	841
Численность сельского населения	304	281	260	245	228	193	184
Численность населения в периферийных (удаленных от городов) поселениях сельского типа*	266	220	173	152	126	135	130
Численность занятых в сельском, лесном, рыбном и охотничьем хозяйстве	50,2	45,6	36,5	29,7	19,6
Численность занятых в организациях сельского хозяйства и предоставления услуг в этой области	29,5	24,7	19,8	8,6	6,0	4,3	3,3

* По данной позиции учтена не только динамика естественного движения и миграции населения, но и приближение или удаление отдельных поселений сельского типа от городов в силу перемен в автомобильном и водном транспорте [24]. Источник: издания Комистата «Статистический ежегодник Республики Коми» и «Сельское хозяйство в Республике Коми» за соответствующие годы.

на сельскохозяйственных землях таежных территорий [23].

Социально-территориальный сектор сельского хозяйства также характеризуется отрицательной динамикой (табл. 3).

За 1990–2018 гг. численность населения в республике сократилась за счет оттока и естественной убыли на 408 тыс., или на 33 %, сельского — на 120 тыс. чел. (40 %). Коэффициент смертности сельского населения выше городского в 1,5 раза. Количество населенных пунктов без населения увеличилось в 4,5 раза. Результаты сельскохозяйственной переписи 2016 г. показали, что среди личных подсобных хозяйств доля с заброшенными земельными участками (пустующими домами) в сельских поселениях составляла 20 %, в составе садоводов, дачников и огородников — 28 %.

На селе идет процесс старения населения. Доля населения моложе трудоспособного возраста уменьшилась с 29 % в 1989 г. до 22 % в 2018 г., в трудоспособном возрасте, соответственно — с 57 % до 50 %, а доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась — с 14 % до 28 %. Ясно, что дальнейшее ухудшение демографической ситуации на селе приведет к сокращению численности трудоспособного населения и станет непреодолимым препятствием развития сельской экономики.

Для сельской местности Коми характерна неразвитость транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры. В период рыночной трансформации на селе почти прекратилось строительство дорог. В настоящее время большая часть автомобильных дорог приходится на грунтовые, состояние которых остается не-

удовлетворительным. Внутрихозяйственные дороги с твердым покрытием составляют лишь 37 %. Население большинства деревень и сел проживает в двух- и трехчасовой доступности от своих райцентров; 84 % сельского населения проживает в негазифицированных населенных пунктах, 10 % населенных пунктов получают электроэнергию от автономных дизельных электростанций.

В годы рыночных реформ строительство жилых домов в сельской местности сократилось в 2,2 раза, дошкольных учреждений — в 2,4 раза, общеобразовательных школ — в 2,1 раза, учреждений культурно-досугового типа — в 1,5 раза. Учетный жилищный фонд сельской местности республики имеет долю ветхого и аварийного жилья 14 % против 2 % в городе. Большинство жителей сельских населенных пунктов лишены элементарных коммунальных удобств.

Местное самоуправление сельских поселений не располагает собственной финансовой базой для выполнения социальных функций, модернизации инфраструктуры села и стимулирования сельской экономики. Дефицит бюджетов покрывается за счет субвенций, дотаций и субсидий. Сейчас в муниципальных образованиях с полностью сельским населением доля внешних поступлений составляет от 70 % до 80 %.

Отметим еще одну непростую ситуацию — экспансию сельских территорий горожанами. Коттеджные и дачные поселки во многих местах, особенно вокруг Сыктывкара, по плотности уже превосходят деревни и села. Последние также осваиваются под дачи и родовые име-

ния. Но если классическая северная деревня (село) была когда-то общностью (общиной), то дачники пока не имеют социального единства. Их ресурсы консолидированы крайне недостаточно для того, чтобы серьезно решать вопросы развития транспорта, энергохозяйства, информатизации, охраны природы.

В развитых системах расселения географическая мобильность людей стала существенной чертой их жизнедеятельности. Сельские территории с относительно благоприятным экономико-географическим положением преобразуются в придаток к городскому рынку труда, а экономически удаленные зачастую переходят к натуральному хозяйству [25].

Перечисленные проблемы давно известны, они на виду, но не решаются должным образом не только из-за отсутствия необходимого объема финансовых ресурсов, но и в силу неопределенности в организации их решения.

Формирование стратегического плана сельского развития Республики Коми

Стремление устранить отмеченные выше недостатки сельского хозяйства республики лишь частично определяет проблемное поле стратегического планирования. Дело в том, что не все можно и надо исправлять, а новые направления улучшения состояния сельских территорий не меняют желания населения сделать так, как было раньше, то есть возвратиться к уровню 1990 г. Из прошлой же жизни в силе остаются лишь общие природно-экономические предпосылки развития производственно-отраслевого сектора сельского хозяйства. Все остальное изменилось коренным образом.

Авторы проанализировали различные стратегии, программы и планы основных предприятий, муниципальных районов и округов, Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Коми и с учетом инвестиционных ограничений выявили средние уровни производства. В оценке предполагаемой динамики учтены также снижение численности населения в республике, предельно возможный рост производства за счет технического переоснащения существующих ныне предприятий по производству продовольствия, приближение к рациональным нормам личного потребления продуктов питания на основе роста их местного производства при сохранении объемов ввоза из других регионов страны и из-за границы. Так получилась ориентировочная оценка показателей сельского хозяйства. Оказалось, что и в новых условиях ожидаемые результаты производства

и потребления продукции местного ассортимента на 10 ближайших лет (2020–2030 гг.) вполне приемлемы с точки зрения обеспечения населения продовольствием.

Приведенные в таблицах 4 и 5 цифры не предполагают «коренной реконструкции» сельскохозяйственного производства и достижимы при минимальных условиях:

- рост инвестиций в основной капитал на уровне 3–4 % среднегодовых (в 2014–2018 гг. этот показатель составлял лишь 1 %);

- доступная процентная ставка кредитования сельскохозяйственных предприятий по обороту (с учетом северной сезонности ведения сельского хозяйства) и на техническое перевооружение действующих предприятий;

- подготовка и закрепление на селе квалифицированных кадров;

- повышение заработной платы в сельском хозяйстве так, чтобы ее отношение к средней по экономике республики составило 80 % (в 2018 г. — 59 %);

- усиление агрономических служб, особенно в части сортоиспытания;

- стимулирование производства и потребления качественной (экологически чистой) продукции;

- техническая и консультативная помощь фермерам и личным подсобным хозяйствам;

- ликвидация монополии заготовительных, посреднических и перерабатывающих структур путем перевода на кооперативную основу всего цикла производства, переработки и реализации продукции.

Актуализируется проблема формирования многофункционального хозяйства на селе. В предстоящие десять лет все типы аграрных структур должны участвовать в создании комплексных хозяйств, включая переработку сельскохозяйственного сырья. Но основными поставщиками животноводческой продукции останутся сельскохозяйственные организации, интегрированные с перерабатывающей промышленностью. Авторские расчеты показывают, что к 2030 г. доля таких организаций в производстве валовой продукции сельского хозяйства увеличится до 70–75 %. Производство картофеля и овощей по-прежнему будет сконцентрировано в подсобных хозяйствах населения.

Одно из нестандартных мероприятий — создание при крупных и средних животноводческих комплексах цехов кормопроизводства с подключением к ним дальних сенокосных угодий. Это позволит, хотя бы в малой мере, сохранить сельскохозяйственные земли перифе-

Таблица 4

Прогноз производства и потребления сельскохозяйственной продукции в Республике Коми на период 2030 г., тыс. т*

Table 4

Forecast of production and consumption of agricultural products in the Komi Republic until 2030, thousand tons*

Продукция	Производство			Потребление		
	2020	2025	2030	2020	2025	2030
Картофель, включая техническое и личное (в скобках) потребление	55	58	63	85 (65)	87 (66)	88 (65)
Овощи и бахчевые	22	24	30	80	87	100
Мясо и мясопродукты	25	28	34	68	63	58
Молоко и молокопродукты	55	65	70	212	232	235
Яйцо (млн шт.)	126	150	170	235	220	204

* авторская оценка.

Таблица 5

Уровни производства и потребления сельскохозяйственной продукции в Республике Коми на период 2030 г., %*

Table 5

Levels of production and consumption of agricultural products in the Komi Republic until 2030, %*

Продукция	Уровень производства относительно потребления			Уровень личного потребления относительно его рациональных норм		
	2020	2025	2030	2020	2025	2030
Картофель	63	67	72	94	97	100
Овощи и бахчевые	27	28	30	70	81	99
Мясо и мясопродукты	37	44	59	110	109	101
Молоко и молокопродукты	26	28	30	77	90	96
Яйцо (млн шт.)	54	74	83	107	107	105

* По данным из таблицы 4 и сведениям о рациональных нормах потребления (кг/год/чел.): картофеля — 90, овощей и бахчевых — 140, мяса и мясопродуктов — 76, молока и молокопродуктов — 340, яиц (шт.) — 270, рекомендованных Министерством здравоохранения РФ; прогноз численности населения выполнен А. В. Смирновым: 2020 г. — 810, 2025 г. — 763, 2030 г. — 720 тыс. чел. [26, с. 153].

рийных районов. Утраченные сельскохозяйственные угодья можно было бы частично освоить под посадки леса, в том числе быстрорастущих лиственных пород, что необходимо для целлюлозно-бумажной промышленности. Посадки леса целесообразны и на полях, которые ныне представляют собой заросли борщевика Сосновского, опасного для здоровья людей.

Проблема комплексности касается и оленеводства. Модернизация этой отрасли связана со строительством убойных пунктов и холодильников, с глубокой переработкой пантов, ферментно-эндокринного сырья и крови оленей, с оснащением оленеводческих хозяйств средствами связи и транспорта, созданием вдоль маршрутов выпаса оленей сети факторий, в которых разместятся электростанции, склады для хранения и подготовки к транспортировке продукции, магазины, фельдшерско-акушерские и ветеринарные пункты [27]. На будущее надо учесть и общие тенденции эволюции традиционного хозяйства малочисленных народов Севера [28].

Несколько сложнее сформировать социально-территориальную программу. Большая

часть мероприятий данного сектора сельского развития связана со спецификой расселения населения и экономической удаленностью многих поселков, сел и деревень. В начале 2000-х гг. Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера КНЦ УрО РАН под руководством Т.Е. Дмитриевой провел исследование населенных пунктов Коми и выяснил, что 200 поселков и деревень можно назвать проблемными. В них жило 8 тыс. чел. На основе данных науки в 2007 г. принята программа по закрытию неперспективных поселений и переселению людей. На первых этапах в программе участвовали десять населенных пунктов, которые существуют и в настоящее время. В 2011 г. составлена другая программа — «Переселение жителей из населенных пунктов, признанных закрываемыми»; в ней уже насчитывалось 250 неперспективных населенных пунктов, и их число продолжает увеличиваться. Переселение людей происходит крайне редко и только в экстренных случаях — ради их спасения. В межсезонье и зимой в некоторые села и деревни продукты и медикаменты раз в неделю завозятся вертолетом. В отдель-

ных случаях провизию доставляют на снегоходах работники служб МЧС. Такая «схема обслуживания» является более затратной, чем переселение.

Какая-то часть неперспективных деревень и поселков могла бы быть сохранена в общей системе «центр — периферия», если данная система имела бы надежную сетевую инфраструктуру. В северных условиях такое возможно при наличии обустроенных речных путей, наплавных (понтонных) мостов, зимников, малой авиации, телефонной, почтово-телеграфной, сотовой, телевизионной сети и интернета, стационарных и мобильных пунктов торговли, лечебной и ветеринарной помощи, школьного образования, комфортного для детей, при необходимости с доставкой на автобусе, районных курсов образования взрослых (компьютерного, технического, санитарного, медицинского, ветеринарного и др.); «кустовых» мини-МТС (машинно-тракторных станций) для предоставления технических услуг личным подсобным и фермерским хозяйствам. Все это, безусловно, усилит внутреннюю связь локальных хозяйственных систем, однако не устранил самой проблематики сселения людей и ликвидации неперспективных деревень и поселков.

В составе сельских поселений, как правило, находятся один центральный и несколько близлежащих к нему населенных пунктов. Вопрос сселения желательно рассматривать, в первую очередь, именно в границах такого рода кустов расселения, экономически укрепляя и экологически благоустраивая их центральное звено. Сюда следовало бы перенести основную часть мероприятий в области сельского развития. Это касается нового жилищного строительства, формирования фонда социального жилья, снабжения электричеством, водой и газом, технического обустройства домашних хозяйств с учетом преимуществ автономной теплоэнергетики, создания социально-культурных комплексов. Здесь же в качестве института сельского развития необходимо создавать ТОСы (территориальное общественное самоуправление). Их сфера деятельности — содержание в порядке места жительства, воспитание детей, развитие самодеятельного творчества, функциональное распределение земель в округе поселений, ландшафтное обустройство.

Из двадцати центров округов и районов республики десять являются селами, то есть непосредственно включаются в стратегии и программы сельского развития. Другая половина центров — городская, но и она подключена

к решению проблем стабильного социально-экономического развития сельских территорий. Для всех центров — организаторов сельской жизнедеятельности — наиболее важными считаются проблемы согласования экономических и социальных целей развития сельской и городской местности, агропромышленного и лесного секторов хозяйства, формирования маятниковой миграции между сельскими населенными пунктами и городами, финансовой помощи ТОСам, развития комплексной сетевой системы образования, здравоохранения, культуры и бытового обслуживания.

В начале статьи со ссылкой на Ф. Мантино было сказано о перераспределительной модели сельского развития как способе сокращения разрыва между сельскими районами с выделением тех, которые находятся под угрозой обезлюдения. В Республике Коми к таковым можно отнести Ижемский, Койгородский, Прилузкий, Троицко-Печорский, Удорский, Усть-Куломский районы с высокой локализацией коми населения. В эту же группу отнесем и Усть-Цилемский район староверческого уклада жизни. Они являются депрессивными, и размещенные здесь сельскохозяйственные предприятия нуждаются в выплатах, компенсирующих воздействие сложных климатических условий и неблагоприятного экономико-географического положения. Это особый вид выплат, связанный со стимулированием диверсификации производственной структуры предприятий, с организацией органического земледелия и поддержкой традиционных для Севера видов биоресурсной экономики. Такого рода выплаты служат дополнением к общим финансовым вложениям производственно-отраслевого и социально-территориального назначения.

Заключение

В планировании сельского развития рекомендуем выделять два его блока: производственно-отраслевой и социально-территориальный. Это обусловлено их функциональными различиями и неправомерной подменой «сельских территорий» «агропромышленным производством». В результате такой подмены государственные программы по развитию сельских территорий как бы выполняются за счет отчетности по производству продукции животноводства и земледелия; сама же сельская жизнь остается по существу за рамками активного управления.

Другая причина отдельного рассмотрения производственных и социальных аспек-

тов сельского развития — его многофункциональность и многопрофильность. Задача продовольственного обеспечения решается главным образом предприятиями, размещенными в городах, пригородах и прилегающих к ним территориях; задача же улучшения географической среды является «сквозной» для городского и сельского населения, но решается в основном на сельских территориях, включая лесные. Сельский ландшафт во все возрастающей мере становится принадлежностью общенациональной культуры.

На Севере России сельское развитие отошло на второй план в силу приоритетов топливно-энергетических и минерально-сырьевых комплексов. Вопрос о равенстве с ними аграрного комплекса и возрождении северного земледелия на относительно больших площадях в будущем может быть поставлен только при угрозах продовольственной безопасности многих стран и подключения России к формированию мировых фондов продукции сельского хозяйства. Предлагаем учесть и необходимость иметь страховой запас не только стратегических ресурсов продуктов питания, но и самих источников их получения — сельскохозяйственных угодий, агротехники, семенного фонда.

Анализ сложившейся ситуации в сельском развитии Республики Коми показал, что возвращение к его исходным позициям советского периода в условиях рыночной экономики практически невозможно. Поэтому сельскую проблематику желательно локализовать так, чтобы сохранить и существенно улучшить имеющиеся сельскохозяйственные земли, более широко вовлечь в хозяйственный оборот

ресурсы животноводства, оленеводства, охоты, рыболовства и рыбоводства, обеспечить доступность местного населения к рациональному лесопользованию.

Наравне с производственными вопросами и в увязке с ними следует рассматривать социальные и экологические вопросы на основе оптимизации региональных и локальных систем расселения населения. Сокращение числа сел, деревень, поселков неизбежно. Чтобы не потерять население, покидающее перспективные населенные пункты, и сохранить его в республике, необходимо организованное сселение людей в центры существующих поселений с ускоренным развитием в них социально-бытовой инфраструктуры и размещением предприятий по переработке биоресурсов. Укрепление локальных общественных связей предполагает также мобилизацию усилий сел — райцентров и городов на создание сетевых структур медицины, образования и культуры.

В 2020 г. ФИЦ Коми НЦ УрО РАН завершает разработку научно-исследовательского проекта «Потенциал стратегической альтернативы развития Республики Коми». В нем будут отражены возможности реструктуризации хозяйственной деятельности на основе передовых технологий и с учетом северных климатических условий, в том числе в области биоресурсной экономики. Предложенные в данной статье рекомендации в части сельских территорий, на наш взгляд, соответствуют намерениям научных работников найти новые основания устойчивого социально-экономического развития республики.

Список источников

1. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. И. Храмовой; ФАО. Милан : Business Media of the Sole 24 Ore, 2010. 272 с.
2. Nuutilainen T. Governance of local empowerment in Finnish rural policy: Collaboration between policy, development and research h Employment Policy Research Center // EPRC. Hirosaki University, Japan. Discussion Paper. 2010. No. 4. P. 81–94.
3. Продовольственный рынок регионов России. Новый вектор развития / Под общ. ред. д. э. н. Ю. Г. Лавриковой, д. э. н. В. П. Негановой. Екатеринбург : Уро РАН, 2018. 776 с.
4. Методика и методология системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. Новосибирск : Наука, 1980. 344 с.
5. Мерзлов А. В. Концептуальные основы устойчивого развития сельской местности // Вестник РАСХН. 2005. №3. С. 11–13.
6. Петриков А. В. Устойчивость сельского развития // Экономист. 2006. №7. С. 86–93.
7. Чепурных Н. В., Новоселов А. Л., Мерзлов А. В. Региональное развитие. Сельская местность. М. : Наука, 2006. 384 с.
8. Третьякова Л. Концептуальные основы устойчивого сельского развития // Экономика сельского хозяйства России. 2008. №4. С. 80–85.
9. Дмитриева Т. Е., Лажнецов В. Н. Организация прогнозирования территориального развития // Экономика региона. 2010. №4. С. 157–164.

10. Селиверстов В. Е. Региональное стратегическое планирование. От методологии к практике. Новосибирск, 2013. 436 с.
11. Blair J. P., Carroll M. C. Local Economic Development: Analysis, Practices, and Globalization. London : Sage, 2008. 328 p.
12. Seltzer E., Carbonell A. Regional Planning in America: Planning Regions // Regional Planning in America: Practice and Prospect / E. Seltzer, A. Carbonell ed. Imbridge : Lincoln Institute of Land Policy, 2011. P. 1–16.
13. Environment and Planning. Vol. 3. Chapt. 1 // Reflections on «Government and Policy» / Bennett R. J. (ed.). London : Sage, 2012. 540 p.
14. Wolfe D. A. Civic Governance, Social Learning and the Strategic Management of City-Regions // Creating Competitiveness: Entrepreneurship and Innovation Policies for Growth / D. B. Audretsch, M. Lindenstein ed. Cheltenham, 2013. P. 6–25.
15. McGrath R. J. The Rise and Fall of Radical Civil Service Reform in the US States // Public Administration Review. 2013. Vol. 73. Iss. 4. P. 638–649.
16. Camagni R., Capello R. Regional Innovation Patterns and the EU Regional Policy Reform: Towards Smart Innovation Policies // Growth and Change. 2013. Vol. 44, No. 2. P. 355–389.
17. A Comparative Spatial Dynamics Analysis // Geography, Institutions and Regional Economic Performance / R. Crescenzi and M. Percoco ed. Springer — Verlag Berlin Heidelberg, 2013. P. 39–58.
18. Сельские территории в пространственном развитии страны. Потенциал, проблемы, перспективы. М. : ВИАПИ им. А. А. Никонова, 2019. 452 с.
19. Бондаренко Л. Концептуальные основы региональной политики социального развития сельских территорий и программно-целевой подход к ее реализации // Экономика сельского хозяйства России. 2019. № 7. С. 60–68.
20. Потенциал развития муниципальных образований. Содержание, оценка, управление. На материалах Республики Коми. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2008. 344 с.
21. Модернизация инфраструктуры развития сельских территорий. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2016. 241 с.
22. Иванова Е. В. Сельскохозяйственное консультирование в системе инновационного развития аграрного сектора северного региона // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 2. С. 284–300. doi: 10.15838/esc.2017.2.50.16.
23. Щербакова А. С. (Пономарева), Жуков Н. И., Еремеев В. И. Рентообразующий потенциал становления дифференцированного органического земледелия в Республике Коми // Вестник российской сельскохозяйственной науки. 2019. № 2. С. 48–53.
24. Лаженцев В. Н. Север России. Вопросы пространственного и территориального развития. Сыктывкар : ИСЭ и ЭПС; Коми научный центр УрО РАН, 2015. 176 с.
25. Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М. : Новое издательство, 2003. 408 с.
26. Смирнов А. В. Прогнозирование демографических и образовательных процессов на территориях разных уровней // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. 2016. № 1. С. 146–155.
27. Иванов В. А. Формирование стратегии развития оленеводства в Арктическом субрегионе европейского северо-востока России // Арктика. Экология и экономики. 2019. № 3(35). С. 135–145. doi: 10.25283/2223–4594–2019–3–135–145.
28. Логинов В. Г., Игнатъева М. Н., Балащенко В. В. Развитие предпринимательской деятельности коренных этносов как фактора сохранения традиционной экономики в условиях промышленного освоения Севера // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 3. С. 763–779. doi: 10.17059/2019–3–11.

References

1. Mantino F. (2010). *Lo sviluppo rurale in Europa: politiche, istituzioni e attori locali dagli anni '70 ad oggi [Selskoe razvitie v Evrope. Politika, instituty i deystvuyushchie litsa na mestakh s 1970-kh godov do nashikh dney]*. Trans. from Italian. FAO, Business Media of the Sole 24 Ore, 272. (In Russ.)
2. Huuylainen, T. (2010) *Governance of local empowerment in Finnish rural policy: Collaboration between policy, development and research*. Discussion Paper No 4. Employment Policy Research Center. EPRC. Hirosaki University, Japan, 81–94.
3. Lavrikova, Yu. G. & Neganova, V. P. (Eds.). (2018). *Prodovolstvennyy rynek regionov Rossii. Novyy vektor razvitiya [Food market of Russian regions: a new vector of development]*. Ekaterinburg: UB RAS, 776. (In Russ.)
4. Zaslavskaya, T. I. & Ryvkina, R. V. (Eds.). (1980). *Metodika i metodologiya sistemnogo izucheniya sovetskoy derevni [Methods and methodology of systematic study of the Soviet village]*. Novosibirsk: Nauka, 344. (In Russ.)
5. Merzlov, A. V. (2005). Conceptual basis of complex development of countryside. *Vestnik RASKHN [Vestnik of the Russian Academy of Agricultural Sciences]*, 3, 11–13. (In Russ.)
6. Petrikov, A. V. (2006). Sustainability of rural development. *Ekonomist [Economist]*, 7, 86–93. (In Russ.)
7. Chepurnyh, N. V., Novoselov, A. L. & Merzlov, A. V. (2006). *Regionalnoe razvitie. Selskaya mestnost [Regional development. Countryside]*. Moscow: Nauka, 384. (In Russ.)

8. Tretyakova, L. (2008). Conceptual basis of sustainable rural development. *Ekonomika selskogo khozyaystva Rossii [The Economics of Agriculture in Russia]*, 4, 80–85. (In Russ.)
9. Dmitrieva, T. E. & Lazhentsev, V. N. (2010). Arrangement of territorial development prediction. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 4, 157–164. (In Russ.)
10. Seliverstov, V. E. (2013). *Regionalnoe strategicheskoe planirovanie: ot metodologii k praktike [Regional strategic planning: from methodology to practice]*. Novosibirsk, 436. (In Russ.)
11. Blair, J. P. & Carroll, M. C. (2008). *Local Economic Development: Analysis, Practices, and Globalization*. London, Sage, 328.
12. Seltzer, E. & Carbonell, A. (2011). Planning Regions. In: E. Seltzer, A. Carbonell (Eds.), *Regional Planning in America: Practice and Prospect* (pp. 1–16). Iimbridge: Lincoln Institute of Land Policy.
13. Bennett, R. J. (Ed.). (2012). *Environment and Planning, Vol. 3. Government and Policy*. London, Sage, 540.
14. Wolfe, D. A. (2013). Civic Governance, Social Learning and the Strategic Management of City-Regions. In: D. B. Audretsch, M. L. Walshok (Eds.), *Creating Competitiveness: Entrepreneurship and Innovation Policies for Growth* (pp. 6–25). Cheltenham.
15. McGrath, R. J. (2013). The Rise and Fall of Radical Civil Service Reform in the US States. *Public Administration Review*, 73(4), 638–649.
16. Camagni, R. & Capello, R. (2013). Regional Innovation Patterns and the EU Regional Policy Reform: Towards Smart Innovation Policies. *Growth and Change*, 4(2), 355–389.
17. Liberto, A. & Usai, S. (2013). TFP Convergence Across European Regions: A Comparative Spatial Dynamics Analysis. In: R. Crescenzi, M. Percoco (Eds.), *Geography, Institutions and Regional Economic Performance* (pp. 39–58). Springer — Verlag Berlin Heidelberg.
18. *Selskie territorii v prostranstvennom razvitii strany. Potentsial, problemy, perspektivy [Rural territories in the spatial development of the country: potential, problems, prospects]*. (2019). Moscow: VIAPI im. A.A. Nikonova, 452. (In Russ.)
19. Bondarenko, L. (2019). Conceptual fundamentals of regional policy of rural territories social development and program and target approach to its realization. *Ekonomika selskogo khozyaystva Rossii [The Economics of Agriculture in Russia]*, 7, 60–68. (In Russ.)
20. *Potentsial razvitiya munitsipalnykh obrazovaniy. Soderzhanie, otsenka, upravlenie. Na materialakh Respubliki Komi [Potential development of municipalities: content, assessment, management (based on the materials of the Komi Republic)]*. (2008). Komi science center of UB RAS, 344. (In Russ.)
21. *Modernizatsiya infrastruktury razvitiya selskikh territoriy [Modernization of infrastructure for rural development]*. (2016). Syktyvkar: OOO «Komi respublikanskaya tipografiya», 241. (In Russ.)
22. Ivanova, E. V. (2017). Agricultural Consulting in the System of Innovative Agriculture Development of the North. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: Fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, 10(2), 284–300. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.16 (In Russ.)
23. Shcherbakova (Ponomareva), A. S., Zhukov, N. I. & Ereemeev, V. I. (2019). Rent-Forming potential of differential organic farming formation in Komi Republic. *Vestnik rossiyskoy selskokhozyaystvennoy nauki [Vestnik of the Russian agricultural science]*, 2, 48–53. (In Russ.)
24. Lazhentsev, V. N. (2015). *Sever Rossii: Voprosy prostranstvennogo i territorialnogo razvitiya [Russian North: issues of spatial and territorial development]*. Syktyvkar: Komi science center of UB RAS, 176. (In Russ.)
25. Nefedova, T. G. (2003). *Selskaya Rossiya na perepute. Geograficheskie ocherki [Rural Russia at the crossroads. Geographical essays]*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 408. (In Russ.)
26. Smirnov, A. V. (2016). Forecasting demographic and educational processes in territories of different levels. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa. Vestnik NITS KPUVI SyktGU [Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Governance and Venture Investments of Syktyvkar State University]*, 1, 146–155. (In Russ.)
27. Ivanov, V. A. (2019). Strategy formation for reindeer farming development in the Arctic sub-region of the Russian European North-East. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: ecology and economy]*, 3(35), 135–145. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-3-135-145. (In Russ.)
28. Loginov, V. G., Ignateva, M. N. & Balashenko, V. V. (2019). Development of the Entrepreneurial Activities of the Indigenous Ethnic Groups as the Factor for Preserving the Traditional Economy in the Context of the North's Industrial Development. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 15(3), 763–779. DOI: 10.17059/2019-3-11 (In Russ.)

Информация об авторах

Лаженцев Виталий Николаевич — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН; Scopus Author ID: 55764460900 (Российская Федерация, 167982 Сыктывкар, ГСП-2, Коммунистическая, д. 26; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru).

Иванов Валентин Александрович — д. э. н., профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН; Scopus Author ID: 55764460900 (Российская Федерация, 167982 Сыктывкар, ГСП-2, Коммунистическая, д. 26; e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru).

About the authors

Vitaliy N. Lazhentsev — Corresponding Member of RAS, Chief Research Associate, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 55764460900 (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru).

Valentin A. Ivanov — Dr. Sci. (Econ.), Chief Research Associate, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru).

Дата поступления рукописи: 17.03.2020.

Прошла рецензирование: 31.05.2020.

Принято решение о публикации: 10.06.2020.